

Учитель

Академик вошел в лабораторию своей обычной торопливой походкой; подошел к установке и на несколько минут углубился в созерцание того, что происходило в колбах, согреваемых синеватым огнем. Аспирант Игорь Чашников начал детально объяснять ход эксперимента, рассказал о своих сомнениях и трудностях.

Академик не признает в науке торных путей. Он сам всю жизнь шел дорогой теоретических исканий, — истину добывают тяжелым и радостным трудом, как руду из недр земли, как жемчуг с глубины океана... Академик любит, чтобы его ученики вели эксперимент с мужеством настоящих исследователей, не отступая перед самыми запутанными противоречиями. С искусством большого учителя Вячеслав Евгеньевич умеет подтолкнуть аспиранта на верный путь, но он не спешит все рассказать, все объяснить. «Подумайте, понаблюдайте» — его любимая фраза.

Сделав несколько замечаний, академик направился к столам других аспирантов. Но Чашников остановил его:

— Вячеслав Евгеньевич, в Свердловске назначены всеобщие соревнования по лыжам.

— Очень хорошо, — холодно сказал Вячеслав Евгеньевич и нахмурил брови.

— Отпустите меня на соревнования, — попросил Чашников, — это отнимет всего несколько дней.

— Послушайте, — академик вернулся к столу Чашникова; сердитым движением он тронул золотые очки, перевитые черными нитками. — послушайте, вы собираетесь стать ученым, вы будете неплотничать, ну зачем вам эти лыжи, эти прыжки с гор? Вдруг еще шею себе свернете, а?

Как ни горько было Чашникову, что поездка в Свердловск срывается, он все же не мог удержаться от улыбки.

— Нет, не отпущу, и не просите...

Чашников вернулся к своим приборам.

Он работает над проблемой огромного значения для хозяйства и обороны страны. Он ищет новые основы для лаков. Правительство расходует большие деньги для закупки этих веществ за границей. Лучшие основы для лаков — естественные смолы. Чашников старается создать искусственные основы. Ценнейшие для лаковой промышленности вещества он стремится извлечь из растительных отходов, древесной коры, соломы, подсолнечной лузги.

Блестящую идею, которая должна обогатить нашу лаковую промышленность, поддал академик Вячеслав Евгеньевич Тищенко.

Можно уверенно сказать, что этот замечательный ученый избрал девизом всей жизни слова своего великого учителя Д. И. Менделеева: «Посев научный взойдет для жатвы народной». Свой научный труд он неразрывно связывает с благом родины и народа. Он создал для своей страны вещества, насущно необходимые в народном хозяйстве. По его методам работают заводы в разных краях Советского Союза.

Один из крупнейших руководителей научной жизни Ленинградского университета, академик Тищенко, пришел в это старинное здание на берегу Невы, студентом, шестьдесят лет назад.

Много горечи, но зато и много радости испытал Вячеслав Евгеньевич в университетских стенах. За право учиться нужно было платить. Поэтому Вячеслав Тищенко все студенческие годы вынужден был работать, давать уроки. После лекций он бежал к своим ученикам. В зрелый он уже твердо став на научное поприще, он не переставал испытывать поприще, он не переставал испытывать возмущенное чувство материальной необеспеченности. Вячеслав Евгеньевич был близок к тому, чтобы оставить любимую науку. Но нашелся человек, который ободрил его, поддержал суровым и участ-

Академик В. Е. ТИЩЕНКО беседует со своими учениками-аспирантами Б. Г. ГАВРИЛОВЫМ, В. В. МАТВЕЕВЫМ и И. Г. ЧАШНИКОВЫМ
Фото С. Нордштейн

ливым словом. Этим человеком был Д. И. Менделеев.

Дмитрий Иванович, всматриваясь в жизнь, отчетливо понимая ход ее, пророчески говорил:

— Ясные дни для русского народа еще не пришли, — они наступят.

Великая Октябрьская революция широко распахнула двери университета для трудового народа. Но не сразу можно было сесть за книги, углубиться в науку. В гражданской войне ремались судьбы республики.

Сыновья Вячеслава Евгеньевича ушли на фронт. Старик-ученый вместе с женой работал на огороде, а огороды начинались сразу же за университетскими воротами и тянулись к Малой Неве. Порою, испытывая грустное чувство, ученый заходил в пустынную химическую лабораторию, бродил среди разбитой посуды, думал о работах, начатых и неоконченных.

Новые годы принесли новое мироощущение, жизнь, плущую масштабов, о которых и не мечталось.

Сыновья Вячеслава Евгеньевича стали учеными-химиками. Один из них — профессор, другой — доцент, и работают они в институте, которым руководит отец. Вячеслав Евгеньевич окружен учениками, он сознает себя счастливым свидетелем возрождения своей науки, воспитателем советского поколения химиков.

К ученикам своим он относится с большой любовью. Он видит в них людей нового порядка.

Не одно университетское поколение

сменилось на памяти академика. Но только в последние два десятилетия он увидел людей, идущих в жизнь и в науку прямым счастливым путем.

Игорь Георгиевич Чашников был вакуум-аппаратчиком на химическом заводе, когда у него созрело решение стать учеником. В любой другой стране такое решение, принятое рабочим, породило бы только еще одну человеческую трагедию. Но Игорь Чашников — гражданин страны, где человек имеет право на образование. Он пошел прямой и ровной дорогой: университет, аспирантура при химическом институте университета, диссертация.

Как-то случилось, что академик несколько дней подряд не появлялся в институте. Каждый раз, как открывалась дверь, Чашников поднимал голову, ожидая увидеть на пороге лабораторий учителя, как всегда в подчеркнуто аккуратном костюме, с тщательно причесанными седыми волосами. Но Вячеслав Евгеньевич был болен.

Однажды вечером прямо из лаборатории Чашников отправился навестить Вячеслава Евгеньевича. Академик живет в университете, в старой профессорской квартире. Чашников вошел в тихий, заставленный книгами кабинет. Академик встретил аспиранта радушно, расспросил о ходе работ. Работы порядочно двинулись вперед, опыты требовали уже полужаводской установки...

Потом началась задушевная беседа учителя с учеником. Академик говорил о Д. И. Менделееве. Вячеслав Евгеньевич несколько лет был личным ассистентом

Менделеева и на всю жизнь сохранил светлую память об этом подлинном революционере в науке.

В час этой беседы между учеником и учителем казалось, что в просторном кабинете присутствуют три поколения русских химиков... Со стены смотрело характерное лицо, обрамленное длинными волосами, лицо безупречного рыцаря науки, воинствующего материалиста.

— Вы, молодые, — говорил академик, — промачась с Чашниковым, — избалованы своими успехами. Терпения у вас мало. Я вот у Дмитрия Ивановича два года бензины гонял. Ничего, впрок пошла наука...

Эксперименты развивались довольно удачно. Теперь уже твердо можно было сказать, что новые основы для лаков будут созданы. Аспирант весь ушел в работу. Временами его навешали товарищи из спортивного общества и напоминали о приближении лыжных соревнований. Но Игорь только руками разводил. Он не решался снова говорить с академиком о поездке в Свердловск.

А дело решилось неожиданно и очень просто. Однажды секретарь директора пришел в лабораторию и сообщил Чашникову: — Игорь Георгиевич, вам разрешено ехать на соревнования.

Академик отпускал его, пользуясь перерывом в работе.

Из Свердловска Чашников вернулся веселый, казалось, что он даже загорел немного на зимнем солнце. На следующий же день к нему подошел Вячеслав Евгеньевич:

— А, лыжник прибыл, — приветствовал он его.

Как обычно, академик подошел к установке, но прежде чем склониться над ней, сердито заметил:

— Только что же это, уважаемый, по радио передавали, что вы третье место заняли. Почему? Первое место надо было брать. Первое.

А. ВЕРЕСОВ